



ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Б. А. КАЛОЕВ

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ

(К пятидесятилетию со дня смерти)

Среди блестящей плеяды русских ученых конца XIX — начала XX в. М. М. Ковалевский — один из тех, чье имя было широко известно в России и Европе как выдающегося исследователя и общественного деятеля. Наделенный огромным талантом и колоссальной работоспособностью, Ковалевский занимался вопросами всеобщей истории, истории России, истории права, общей теории государства и права, экономического и социального быта Западной Европы, этнографии, истории рабочего движения.

Весьма велика роль Ковалевского в пропаганде русской науки за рубежом и в распространении в России достижений европейских ученых,

И. И. Мечников в некрологе о М. М. Ковалевском отмечал, что в России «немного ученых, которые обладали бы, как он, полнотой знаний в области наук политических и моральных... Я любил его возвышенный: характер, ценил его неутомимую деятельность и легкую успешность а работе»^К

М. М. Ковалевский родился в 1851 г. в семье богатого харьковского помещика. В детские годы особое внимание в его воспитании уделялось изучению европейских языков. Окончив гимназию с золотой медалью, Ковалевский в 1868 г., не достигнув еще 17 лет, поступает на юридический факультет Харьковского университета.

В Харьковском университете в то время работали талантливые ученые, среди которых особенно выделялся профессор Д. И. Каченовский, ставший научным наставником молодого Ковалевского. В письме А. Н. Веселовскому от 22 января 1888 г. Ковалевский так писал о своем учителе: «Его эрудиция была обширна, основательна, изложение талантливо и красноречиво... В России я не слыхал лучшего профессора»². Следуя указаниям Каченовского, Ковалевский уже в студенческие годы проявлял большой интерес к изучению первоисточников, отыскивая их в библиотеках и архивах Европы. По окончании университета в 1872 г. он уезжает за границу для продолжения образования и, находясь там несколько лет, слушает лекции лучших профессоров в Германии, Фран-

¹ «М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (сборник статей)», Пгр., 1917, стр. 257.

² Центральный государственный архив литературы и искусства (далее ЦГАЛИ),, ф. 80, оп. I, ед. хр. 119, л. 7.

ции, Англии, Швейцарии, знакомится со многими выдающимися учеными. В эти годы М. М. Ковалевский занимается исследованиями в области права и общинного землевладения³, работает над завершением своей докторской диссертации. Вернувшись в Россию уже вполне зрелым ученым, он становится в 1877 г. доцентом, а в 1880 г. профессором Московского университета. Тогда же Ковалевский защищает диссертацию «Общественный строй Англии в конце средних веков» и получает степень доктора государственного права. Его лекции по общему государственному праву, по государственному праву европейских стран, сравнительной истории права, истории русского государственного права, а также по многим специальным курсам, пользовались большой популярностью и привлекали студентов не только юридического, но и многих других факультетов. Б. А. Щетинин вспоминает, что имя М. М. Ковалевского было настолько популярным, что «поступали тогда на юридический факультет исключительно ради того, чтобы иметь возможность беспрепятственно слушать его»⁴. В своих лекциях Ковалевский излагал мысли о конституционном строе европейских держав, противопоставляя его монархическому правлению царской России, то есть трактовал предмет, само название которого, по словам того же Щетинина, «считалось тогда чуть ли не запретным, ибо слово «конституция» - было жупелом, пугавшим далеко не одних только замоскворецких купчих»⁵. Такое поведение либерально настроенного Ковалевского не могло не обратить на себя внимания властей и послужило причиной увольнения его из университета. Ковалевский вынужден был уехать за границу.

Чтение лекций Ковалевский сочетал с научно-исследовательской деятельностью и активным участием в научных обществах Москвы. С 1883 г. он был членом этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Благодаря участию в работе отдела и помощи его сотрудников, прежде всего В. Ф. Миллера, Ковалевский стал заниматься Кавказом и смог собрать по этому краю весьма оригинальный материал, легший в основу его дальнейших теоретических исследований. Позже, в своих воспоминаниях, говоря о работе отдела, Ковалевский отмечал, что этнография здесь «понималась в самом широком смысле», охватывая все стороны жизни изучавшихся народов, их материальную и духовную культуру, обычаи, поверья и т. д.⁶

Большой заслугой Ковалевского явилось обстоятельное изучение обычного права русских и других народов России, привлечение для этой цели в отдел выдающихся московских юристов (А. П. Чупрова, С. А. Муромцева, Н. О. Нерсесова и др.), а также многочисленных студентов, юридического факультета, совершавших экспедиционные поездки по разным районам страны для сбора материала по обычному праву. За короткое время здесь образовалась большая группа молодых этнографов-юристов⁷, среди которых особенно выделялся Н. Н. Харузин.

После вынужденной эмиграции Ковалевского из России, объем работы по обычному праву значительно сократился. Однако московский

³ См. его исследования: «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт», Лондон, 1876; «Полиция рабочих в Англии в XIV в. и мировые судьи...», Лондон, 1876; «Первобытное право», Лондон, 1876.

⁴ Б. А. Щетинин, М. М. Ковалевский в Московском университете (страничка, из воспоминаний), «Исторический Вестник», 1916, май, стр. 483.

⁵ Там же, стр. 484.

⁶ М. Ковалевский, Московский университет в конце 70-х и 80-е годы прошлого века, «Вестник Европы», 1910, май, стр. 182.

⁷ В. В. Богданов, Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения. 1848—1948, «Очерк по истории русской интеллигенции и русской науки», рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. 66/1, стр. 123.

кружок этнографов, изучавших обычное право, как справедливо отмечает В. В. Богданов, уже пустил глубокие корни среди интеллигенции различных районов России, откуда в этнографический отдел поступали ценные материалы и доклады. Так, в течение многих лет в тесном контакте с отделом находился Е. И. Якушкин — сын декабриста И. Д. Якушкина, известный писатель и автор четырехтомного библиографического труда «Обычное право», живший в Ярославской губернии⁸. Не прерывали связи с отделом и многие другие этнографы — исследователи обычного права, в частности в Сибири и на Кавказе⁹.

Нужно отметить, что в то время обычное право и общественный быт были в России наименее изученными отраслями этнографии. Именно Ковалевскому принадлежит заслуга разработки этих вопросов на материалах главным образом Кавказа.

Кавказ составил особую главу в научной биографии ученого¹⁰. Изучению этого края Ковалевский посвятил ряд лет упорного труда. Не считаясь с огромными трудностями, он совершил три продолжительные поездки в самые малодоступные горные районы западного, центрального и восточного Кавказа. Первая (совместно с В. Ф. Миллером) была в 1883 г. в Балкарию, Кабарду, Северную Осетию¹¹, вторая — в 1885 г. (совместно с экономистом И. И. Иванюковым и композитором С. И. Танеевым) в Сванетию¹², третья — в 1887 г. в Хевсуретию, Пшавию и Дагестан. Во время этих поездок большую помощь Ковалевскому оказали местные кавказские интеллигенты, среди них известный этнограф И. С. Хатисов, сопровождавший ученого по Хевсуретии, Пшавии и Тушетии¹³.

Говоря о своей поездке по Дагестану, Ковалевский отмечал: «Окружные начальники и их помощники, и учителя народных школ обязательно ставили себя в мое распоряжение и доставляли мне возможность вступать в частые беседы с аульными старшинами, эфендиями и муллами»¹⁴.

В распоряжение Ковалевского были предоставлены рукописи некоторых местных кавказских этнографов, в частности известного исследователя обычного права даргинцев, чеченцев и ингушей Б. Далгата. Его материалы были широко использованы Ковалевским для написания раздела по народам Дагестана¹⁵. М. М. Ковалевский обследовал также многие сельские и окружные архивы Кавказа, где хранились, кроме официальных документов, протоколы народных судов, а нередко и записи «горских адатов». Большое значение Ковалевский придавал выявлению исторических памятников путем археологических раскопок и приобретению материалов для музеев. Так, во время своих первых двух поездок на Кавказ он произвел на территории Кабардино-Балкарии¹⁶ раскопки нескольких, большей частью аланских могильников, находки в которых (скелеты, утварь, куски материи) были переданы Московскому истори-

⁸ В. В. Богданов, Указ. раб., стр. 123.

⁹ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 244.

¹⁰ М. О. Косвен, Указ раб., стр. 223—245; его же, М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. К 100-летию со дня рождения (1851—1951), «Сов. этнография», 1951, № 4, стр. 116—135.

¹¹ Всев. Миллер, М. Ковалевский, В горских обществах Кабарды, «Вестник Европы», 1886, № 4.

¹² М. Ковалевский, В Сванетии, «Вестник Европы», 1886, № 1—2; С. И. Танеев, Материалы и документы, т. I, М., 1952, стр. 129.

¹³ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II; М., 1890, стр. VIII.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 171—174, 179, 183.

¹⁶ Всев. Миллер, М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 561; С. Танеев, Указ. раб., стр. 129.

ческому музею. Позже Ковалевский отмечал: «Одна витрина в историческом музее занята результатами моих собственных исследований в горных пещерах, прилегающих к аулу Хаскут»¹⁷. Ценные коллекции были им приобретены и для Этнографического музея. В письме В. Ф. Миллеру от 8 августа 1887 г. Ковалевский писал из Хевсуретии: «Кое-что будет небезынтересно и для тебя, как заведующего Этнографическим музеем. Я купиш, между прочим, полный мужской и женский костюмы хевсуров, набрал черепов, купил три шашки с лазыньскими надписями»¹⁸.

Таким образом, поездки Ковалевского на Кавказ были во всех отношениях весьма плодотворными. Как видно из протоколов заседаний этнографического отдела, московский период научной деятельности Ковалевского почти целиком был посвящен Кавказу, о чем, например, свидетельствуют многочисленные доклады по обычному праву кавказских горцев, прочитанные им на заседаниях отдела¹⁹.

В 1886 г. была опубликована монография Ковалевского «Современный обычай и древний закон» (тт. 1 и 2, М., 1886), посвященная осетинам. Это исследование было одним из самых крупных в юридической литературе того времени²⁰. Отъезд Ковалевского за границу помешал его занятиям Кавказом. В 1904 г. в Париже в беседе с известным деятелем осетинской культуры Цоцко Амбаловым, Ковалевский сожалел о том, что не смог осуществить до конца свои намерения по исследованию осетин и других горцев Кавказа²¹. Тем не менее им был подготовлен за границей и издан в Москве в 1890 г. еще один двухтомный труд — «Закон и обычай на Кавказе», который, наряду с вышеуказанным исследованием, является до сих пор настольной книгой каждого кавказоведа.

Научно-общественная деятельность Ковалевского не ограничивалась этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он был активным участником Московского археологического общества. В 1884 г. на VI археологическом съезде Общества в Одессе по инициативе Ковалевского был организован отдел древностей юридического общественного и домашнего быта, председателем которого он стал²².

Большой интерес представляет собой заграничный период жизни Ковалевского — с 1887 по 1905 г. Уволенный, как мы уже говорили, в 1887 г. из Московского университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю»²³ Ковалевский уехал за границу. В совершенстве владея европейскими языками (немецким, французским, английским, итальянским, испанским, латинским), он выступал с лекциями во многих университетах Европы и Америки — в Стокгольме, Оксфорде,

¹⁷ М. Ковалевский, Московский университет в конце 70-х и 80-е годы прошлого века, стр. 201; об этих же раскопках Ковалевского упоминает Д. Н. Анучин — см. его «Памяти М. М. Ковалевского», «Этнографическое обозрение», 1916, № 1—2, стр. 15.

¹⁸ Б. А. Калоев, В. Ф. Миллер — кавказовед, Орджоникидзе, 1963, стр. 163. Приобретение материалов для музея производилось Ковалевским и во время вынужденного пребывания за границей. Д. Н. Анучин вспоминает, что получил от него из США «несколько каменных орудий, найденных в знаменитой мамонтовой пещере в штате Кентукки», см.: Д. Н. Анучин, Памяти М. М. Ковалевского, стр. 15.

¹⁹ «Протоколы заседаний этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», М., 1888, кн. VIII.

²⁰ Д. Н. Анучин, Указ. раб., стр. 13; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 12—13.

²¹ Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского Ин-та (далее АСОНИИ), ф. 30—12, папка 79, л. 50.

²² «Труды VI археологического съезда в Одессе (1884)», т. I, Одесса, 1886, стр. XXVII; Д. Н. Анучин, Указ. раб., стр. 13; М. Ковалевский, Московский университет в конце 70-х и 80-е годы прошлого века, стр. 200.

²³ «М. М. Ковалевский — ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (сборник статей)», стр. 257.

Париже, Брюсселе и других городах. Уже через несколько месяцев после увольнения из университета он был приглашен, по инициативе С. В. Ковалевской, в Стокгольм для чтения лекций. В письме В. Ф. Миллеру от 3 января 1888 г. Ковалевский писал: «Все это время был занят подготовкой курса, написал двадцать лекций, еще остается половина, а в конце января надо быть в Стокгольме. Работаете поэтому долго за полночь»²⁴. Из этого курса, прочитанного на французском и немецком языках, двадцать лекций были посвящены истории семьи и собственности, три — матриархату, остальные — истории русского права. В своих лекциях по матриархату Ковалевский, как пишет М. О. Косвен, подверг «резкой критике патриархальную теорию и с большой силой сосредоточился на доказательстве существования матриархата в прошлом у индоевропейских и семитических народов»²⁵. Как видно из письма Ковалевского В. Ф. Миллеру, его стокгольмские лекции вызвали огромный интерес среди слушателей. «Тебе будет приятно,— писал Ковалевский,— что вместо ожидаемых свистков, я удостоился настоящей овации..., аплодисменты шумные и продолжительные, отзывы в газетах»²⁶. В Стокгольме Ковалевский получил приглашение Оксфордского университета, выехал в Оксфорд и прочитал там курс лекций. Наконец, желая обстоятельно заняться научной работой, он в 1889 г. обосновался на постоянное жительство во Франции.

М. М. Ковалевский пропагандировал отечественную науку не только путем чтения лекций, но и изданием трудов русских ученых на европейских языках. В письме А. Н. Веселовскому от 1 сентября 1903 г. Ковалевский писал: «И за границей я продолжаю жить русскими интересами»²⁷. В 1901 г. им была основана «Русская высшая школа общественных наук», содержавшаяся на его средства и требовавшая от него много сил и времени. В этой школе читали лекции такие выдающиеся политические и научные деятели, как В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, К. А. Тимирязев²⁸. Большое значение Ковалевский придавал налаживанию тесных контактов между зарубежными и русскими учеными, знакомству иностранных ученых с достижениями русской науки, с жизнью народов России. В письме В. Ф. Миллеру от 1 января 1890 г. он писал: «Профессор Морфилг, имя которого тебе, конечно, хорошо известно, едет в Москву... он желает познакомиться с тобой и через тебя с русскими славистами и историками. Пожалуйста снабди его всеми нужными рекомендациями и дай ему возможность убедиться, что русское гостеприимство не уступает английскому»²⁹. В другом письме к Миллеру от 4 августа 1892 г. Ковалевский просил напечатать в «Этнографическом обозрении» статью этнографа Ф. К. Волкова «О болгарских свадебных обрядах» и прислать ему программу для сбора материала по обычному праву³⁰. О стремлении Ковалевского познакомить русских читателей с бытом других народов свидетельствует его письмо от 11 июня 1902 г. книгоиздателю Л. Ф. Пантелееву, в котором он обращается к нему с просьбой опубликовать книгу профессора Брюссельского университета «О быте австралийцев». «Книга будет снабжена моим предисловием,— пишет Ковалевский,— и могла бы войти в состав библиотеки по общественным знаниям». В ней, по словам автора письма, приводятся основные выводы

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 221, л. 5.

²⁵ М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М., 1948, стр. 234.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 221, л. 5.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 119, л. 39.

²⁸ Б. Г. Сафонов, М. М. Ковалевский как социолог, М., 1960, стр. 28.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 221, л. 8.

³⁰ Там же, л. 11.

Л. Моргана, которые являются «в высшей степени желательными... для распространения в русском обществе здравых этнографических представлений»³¹. Широкое знакомство с видными иностранными учеными и политическими деятелями, доброты и обходительности с людьми, дали возможность Ковалевскому еще более расширить контакты между деятелями науки и культуры России и Запада. В какой бы стране он ни появлялся, он всегда находил радушный прием и верных друзей. В письме А. Н. Веселовскому Ковалевский писал: «В Барселоне я сблизился с одним филологом, который так пришелся мне по вкусу, что я пожертвовал ему целых десять вечеров, в надежде обучить его читать по-русски, и по этому поводу сделайте мне одолжение, вышлите русскую грамматику на французском или немецком языке, словарь русско-французский, французско-русский»³². В этом же письме Ковалевский сообщает о других своих встречах с испанцами: «В Барселоне я со многими лицами сошелся совершенно дружески. Особенно грустно мне было расставаться с директором здешнего архива, симпатичнейшим и почтеннейшим стариком, который полюбил меня почти отеческой любовью. Еще сегодня пишет мне, что с моим отъездом он как-то осиротел и что ему тем тяжелее мой отъезд, что возраст едва ли позволит ему увидеться со мной снова. На обратном пути непременно заеду снова в Барселону, хотя бы для того, чтобы обнять старика»³³.

Важную роль в научной жизни Ковалевского сыграло знакомство его с К. Марксом, происшедшее, по определению некоторых исследователей, между 1875—1876 годами³⁴. Перед этим Ковалевский, несомненно, хорошо был знаком с произведениями К. Маркса, получившими в этот период самое широкое распространение в России. В письме к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. Маркс писал, что его труды («Нищета философии» и «К критике политической экономии») нигде так не распространяются, как в России³⁵. Уже к 1870 г. вышли на русском языке «Капитал» (I том), «Манифест Коммунистической партии» и «Гражданская война во Франции». В письме С. А. Юрьеву от 1 ноября 1879 г. И. И. Иванюков указывает, что «сочинения Маркса и Лассаля переведены на русский язык, имеют самое живое обращение... пользуются громадным авторитетом»³⁶.

Знакомство М. М. Ковалевского с К. Марксом совпало с периодом борьбы Маркса с раскольнической деятельностью бакунинцев в Интернационале. После первой встречи с Марксом, Ковалевский в течение ряда лет часто бывал у него в Лондоне и в Карлсбаде, вел с ним переписку³⁷, обменивался произведениями³⁸.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, ед. хр. 269, л. 1 (в письме не указана фамилия автора книги «О быте австралийцев»).

³² ЦГАЛИ, ф. 80, ед. хр. 119, лл. 61—62.

³³ Там же.

³⁴ И. К. Луппола, Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским, «Летописи марксизма», М., 1928, VI, стр. 69.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 472.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 631, ед. хр. 250, лл. 1—2.

³⁷ Письма Марка к Ковалевскому хранились у проф. И. И. Иванюкова. Однако жена Иванюкова, боясь за судьбу мужа, уничтожила их.— см.: И. К. Луппола. Указ. раб., стр. 69.

³⁸ В библиотеке Маркса хранились почти все ранние произведения Ковалевского. Известно также, что в 1875 г. Маркс послал Ковалевскому французское издание «Капитала» и «Нищету философии», а также свою брошюру против бакунинцев. «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих»,— см.: М. Ковалевский, Две жизни, «Вестник Европы», 1909, № 7, стр. 19; Б. Г. Сафронов. Указ. раб., стр. 72.

В письме к Н. Ф. Даниельсону от 19 сентября 1879 г. Маркс назвал Ковалевского одним из своих научных друзей, который приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея³⁹.

В свою очередь Ковалевский относился к Марксу с огромным уважением. «На расстоянии 25 лет,— писал он о Марксе,— я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности»⁴⁰.

Знакомство Ковалевского с Ф. Энгельсом произошло, по-видимому, немного позже. Во всяком случае Энгельс широко использовал при подготовке четвертого издания книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» две работы Ковалевского: «Закон и обычай на Кавказе» и «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1890). Ф. Энгельс считал крупной заслугой Ковалевского изучение им на кавказском материале рода и семейной общины. Говоря о роде, Энгельс отмечал: «Недавно Максим Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен»⁴¹. И далее: «Ковалевский доказал широкое, если на повсеместное распространение патриархальной домашней общины, как промежуточной ступени между коммунистической семьей с материнским правом и современной изолированной семьей...»⁴².

Таким образом, изгнанный из царской России, Ковалевский, благодаря своей общительности и выдающемуся таланту, находился в дружеских отношениях со многими знаменитыми учеными и политическими деятелями, способствовал распространению русской научной мысли.

Живя в течение многих лет на чужбине, Ковалевский всегда был в курсе научной и политической жизни своей родины, часто приезжал в Россию⁴³, издавал свои произведения в Москве и Петербурге⁴⁴, переписывался со многими выдающимися учеными, прежде всего с В. Ф. Миллером, А. Н. Веселовским, Д. Н. Анучиным, И. И. Иванюковым.

Особенно большая и длительная дружба связывала Ковалевского с В. Ф. Миллером. «В. Ф. Миллеру,— писал Ковалевский,— я обязан не только многими указаниями, позволившими мне расширить круг моих чтений, но и первым моим знакомством с бытом кавказских горцев. В его обществе предприняты были мною поездки к осетинам, кабардинцам и горским татарам»⁴⁵. Проявление большой искренней дружбы между этими выдающимися учеными мы находим в письме Ковалевского от 17 мая 1889 г. Миллеру: «А ты знаешь, что я тебя сердечно люблю; да думаю, что и ты меня не вполне не одобряешь. Черкни же»⁴⁶.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 323.

⁴⁰ М. Ковалевский, Две жизни, стр. 22.

⁴¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1947, стр. 149.

⁴² Там же, стр. 159.

⁴³ Так, в письме А. Н. Веселовскому от 26 февраля 1894 г. Ковалевский писал: «Пробыл три, нет два дня в Москве и укатил подальше, к Иванюкову. Слышал, что вы послали мне письмо в гостиницу Дюссо. Этого письма я не получал. Не попало ли оно в чужие руки? (ЦГАЛИ, ф. 80, ед. хр. 119, л. 12); в другом письме от 1898 г. тому же Веселовскому (Ковалевский писал из Харькова: «До осени проведу в деревне, куда ко мне приедут Иванюковы» (там же, л. 4).

⁴⁴ См.: М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, М., 1890; его же, 'Общественный строй Англии в эпоху республики, СПб., 1891; его же, Происхождение современной демократии, т. 1—3, М., 1895, 1897 и др.

⁴⁵ М. Ковалевский, Московский университет в конце 70-х и 80-е годы прошлого века, стр. 182.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 323, ед. хр. 221, л. 7.

В. Ф. Миллеру Ковалевский посвятил свою монографию «Современный обычай и древний закон».

Подводя итог охарактеризованному выше этапу научной деятельности Ковалевского, нужно отметить, что несмотря на близкое общение с К. Марксом и Ф. Энгельсом и сильное влияние последних на его научное мировоззрение, Ковалевский не воспринял идей марксизма, оставаясь выразителем интересов либеральной буржуазии, противником всякой революционной борьбы и сторонником реформы, за что его неоднократно критиковал В. И. Ленин⁴⁷. В науке Ковалевский никогда не мог подняться выше уровня буржуазно-тиютивистского мировоззрения⁴⁸.

В 1905 г. М. М. Ковалевский вернулся в Россию и активно включился в научную деятельность. Он возглавлял ряд научных обществ, читал лекции в различных учебных заведениях. В 1914 г. он стал ординарным академиком. М. М. Ковалевский умер в 1916 году.

Вся кипучая жизнь этого выдающегося ученого была отдана науке. Научные интересы Ковалевского не замыкались в какой-либо специальной области, а отличались многогранностью. Ковалевским оставлено колоссальное научное наследие — более пятисот печатных трудов, в большинстве своем монографических. Среди них имеются такие многотомные исследования, как «Происхождение современной демократии» (5 томов), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (7 томов), «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (3 тома), посвященные социальной истории западноевропейских стран, прежде всего Англии, Франции и Италии. Ковалевский первым в русской науке начал заниматься изучением средневековой истории Англии. Одним из первых он исследовал общественный строй горцев Кавказа, значительно обогатил представления по истории доклассового общества.

Появление огромной научной продукции Ковалевского объясняется не только большой его эрудицией, колоссальной работоспособностью и материальными возможностями, но и его методами работы. Так, он обладал удивительным умением быстро находить и подбирать нужные архивные и полевые этнографические материалы и готовить их к публикации в виде отдельных статей и очерков или книг. Отличительной чертой трудов Ковалевского является обилие в них первоисточников, на выявление которых он затрачивал много сил и времени.

В одном из своих писем В. Ф. Миллеру М. М. Ковалевский писал из Италии: «Как ни богаты библиотеки Рима, но все же в них нельзя найти столько нетронутого¹ и никому неизвестного материала, как в архивах маленьких городков Умбрии или Тосканы. Я объездил их немало, находя повсюду радушный прием и страдая в то же время от жары, блох и скверной жизни. Вожу теперь целый чемодан записок, работа могла бы подвигаться скорее, если бы не приходилось делать все самому»⁴⁹. В другом письме, к А. Н. Веселовскому Ковалевский сообщал: «Думаю покончить свои поиски в испанских архивах»⁵⁰.

Большим достоинством в творчестве Ковалевского является применение историко-сравнительного метода, давшего ему возможность при тогдашнем состоянии этнографической науки решить многие важные проблемы.

Из многообразного творчества Ковалевского наибольший интерес для нас представляют его труды в области истории первобытного обще-

⁴⁷ См.: В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 11, стр. 360; т. 22, стр. 157, 245.

⁴⁸ С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 357.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 221, л. 21.

⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 119, л. 39.

ства и этнографии. Интерес к разработке вопросов истории доклассового общества у Ковалевского был вызван появлением труда Моргана «Древнее общество» и еще более увеличился после выхода в свет знаменитой работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», оказавших большое влияние на все его творчество. Весьма обстоятельно занявшись вопросами первобытной истории, Ковалевский не ограничивался литературными данными, а привлек, как уже отмечалось, большой этнографический материал, собранный им самим на Кавказе, а также полученный путем анкетного опроса из разных губерний России. На Кавказе ему удалось обнаружить и описать ряд древних институтов, сохранившихся в пережиточной форме: семейную общину, род, ряд элементов матриархата и т. д.

Крупной заслугой Ковалевского является открытие семейной общины у кавказских горцев (осетин, пшавов, хевсур и др.), описание семейной общины у русских крестьян различных губерний, а также у многих европейских народов⁵¹. Своими исследованиями, особенно на кавказском материале, он легко опроверг широко распространенное в то время мнение о том, что семейная община характерна лишь для южных славян, блестяще подтвердив универсальность этого института на определенном этапе исторического развития человечества. Так, говоря о распространении семейной общины среди европейских народов в прошлом, Ковалевский, в частности, отмечал: «В России, как и во Франции, семейная община жила под кровом крепостничества и стала исчезать вместе с его падением»⁵². Детально описав русскую семейную общину средневекового периода, встречающуюся под названиями: «печище», «огнище» (в письменных памятниках «Нестерова летопись», «Ярославская правда» и др.), Ковалевский сравнивает ее с югославской задругой, находя много общего в их внутреннем устройстве, распорядке и характере управления⁵³.

В то же время при характеристике сторон семейной общины Ковалевский допустил немало ошибок, что объясняется не только неизученностью этой проблемы, но и неправильным подходом к ней автора.

Так, мысль Ковалевского о том, что женщина в патриархальной семье была равноправной с мужем, его «подругой», ничем не обосновывается⁵⁴. Материалы этнографических исследований показывают, что у различных народов положение женщин, особенно молодых, в большой семье было намного тяжелее, чем в малой. Не совсем прав Ковалевский и тогда, когда он утверждает, что власть главы большой семьи «была ограничена и контролируется семейным советом, который, таким образом, регулировал взаимные отношения отца и детей»⁵⁵. Исследованиями советских ученых, в частности М. О. Косвена доказывается, что эти черты были присущи только одному типу больших семей, отличавшихся действительно демократическим складом внутренних отношений и управления. Другой же тип семейной общины характеризовался наличием деспотической власти ее главы, который являлся «не только неограниченным распорядителем хозяйства, но и полным собственником всего семейного имущества, в том числе и личных заработков членов семьи»⁵⁶.

⁵¹ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 61—68; его же, Родовой быт, СПб., 1911, стр. 35; Р. Харадзе, Грузинская семейная община, тт. 1—2, Тбилиси, 1960.

⁵² М. Ковалевский, Родовой быт, стр. 44.

⁵³ Там же, стр. 38.

⁵⁴ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи, стр. 91.

⁵⁵ Там же, стр. 110.

⁵⁶ М. О. Косвен, Этнография и история¹ Кавказа, стр. 102.

К этому типу относились, в частности, большие семьи некоторых кавказских народов — армян, карачаевцев, кумыков и др.⁵⁷. Недостаточно обоснована и полигамная теория Ковалевского, объясняющая переход от многоженства к моногамной семье влиянием семейного культа или культа предков⁵⁸.

Касаясь горцев Северного Кавказа и Дагестана, автор утверждает, что «там полигамия неизвестна в горных областях, менее плодородных и более бедных; наоборот, она очень распространена в долинах, ввиду относительной большой зажиточности их населения»⁵⁹. В действительности же, как об этом свидетельствуют данные этнографии, многоженство имело распространение только среди феодалов и кулаков, независимо от места их обитания — в горах или на равнине.

Однако отмеченные недостатки не умаляют значения рассматриваемого труда Ковалевского, в котором дается глубокое исследование семейной общины. Ф. Энгельс дал высокую оценку этой работе. «Мы обязаны,— пишет Энгельс,— Максиму Ковалевскому ...доказательством того, что патриархальная большая семья, какую мы теперь еще встречаем з Сербии и Болгарии под названием «задруга»... и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»⁶⁰.

М. М. Ковалевский в своих работах дал описание рода «у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен»⁶¹, характеристику различных сторон родового строя и родовых отношений. Собранный им огромный материал о роде позволил ему подтвердить позиции Энгельса и Моргана об универсальности этой общественной организации и о двух ее последовательных формах — матриархате и патриархате. Однако при изучении рода Ковалевский допустил немало ошибок, архаизируя социальную организацию многих народов Кавказа, находя у них в XIX в. родовой строй⁶². Родом, например, он считал дагестанский тохум⁶³.

Важнейшей заслугой Ковалевского является признание и отстаивание вслед за Энгельсом и Морганом положения об универсальности матриархата⁶⁴, отрицавшегося буржуазной наукой для «арийских народов». Позиция Ковалевского особенно хорошо подкрепляется данными кавказской этнографии. Так, у осетин, пшавов, хевсуров и тушин он обнаружил немало следов матриархата (этому посвящена отдельная глава в его исследовании «Закон и обычай на Кавказе»). Значительное место матриархату, как и другим институтам первобытного общества, уделяется в «Очерке происхождения и развития семьи и собственности», вышедшем в 1890 г. на французском и переведенном в 1939 г. на русский язык⁶⁵ и в его «Родовом быте» (1911). Однако матриархат, как отмечает М. О. Косвен, рассматривается Ковалевским как сумма отдельных порядков и форм, а не широкий общественный строй прошлого⁶⁶.

⁵⁷ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, стр. 92—104.

⁵⁸ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 103.

⁵⁹ Там же, стр. 96.

⁶⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 67—68.

⁶¹ Там же, стр. 149.

⁶² М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, стр. 236.

⁶³ Р. М. Магомедов, Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в., Махачкала, 1957.

⁶⁴ М. Ковалевский, Родовой быт, стр. 130.

⁶⁵ Русский перевод книги снабжен обширным предисловием и комментарием М. О. Косвена.

⁶⁶ См. предисловие М. О. Косвена к кн. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», стр. 9.

Крупный вклад Ковалевский внес и в изучение общинного землевладения, которому посвятил две большие работы: «Очерк истории распада общинного землевладения в кантоне Ваадт» (Лондон, 1876) и «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879, ч. I)⁶⁷, получившие высокую оценку основоположников марксизма. Последнюю работу Ковалевский подарил в 1879 г. Марксу, который, по свидетельству Энгельса, сделал из нее большое число выписок⁶⁸.

Указанные труды Ковалевского оказали существенное влияние на формирование марксистского мировоззрения Плеханова. Достаточно отметить, что Плеханов в своих произведениях «Наши разногласия» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» часто цитирует Ковалевского, называя его «одним из замечательнейших представителей современного сравнительного правоведения»⁶⁹. Говоря о форме пользования землей членами общины, Плеханов отмечает, что «эта сторона дела хорошо выяснена у М. Ковалевского в его книге об общинном землевладении»⁷⁰. В то же время Плеханов указывал и на недостатки, содержащиеся в рассматриваемых трудах Ковалевского, посвятив этому вопросу специальную статью «Поземельная община и ее вероятное будущее» («Русское богатство», 1880, № 1). По мнению автора, у Ковалевского остается неразгаданной история частной собственности, не выявлены в достаточной мере причины падения сельской общины. Тем не менее, исследования Ковалевского по сельской общине имеют большое значение и ставятся на один уровень с трудами Маурера, впервые открывшего для науки сельскую общину⁷¹. Основанные преимущественно на первоисточниках, извлеченных из многих центральных и местных архивов России и Европы, работы Ковалевского по общинному землевладению отличаются большой насыщенностью фактическим материалом, характеризующим историю развития землевладения и землепользования в разных районах России, в европейских странах, главным образом, Англии, Франции и Италии, а также в Индии, Алжире и в Южной Америке до колонизации их европейцами. Большой интерес представляет показ Ковалевским распада сельской общины в этих государствах и вообще всего традиционного хозяйства в условиях европейской колонизации. «...Политика европейцев в колониях,— писал Ковалевский,— не может быть названа более подходящим термином, как наименованием политики истребления»⁷². Захватывая земли у коренных обитателей, европейские колонизаторы уничтожали общинное владение землей и создавали повсюду крупные частные землевладения. Однако, как показал Ковалевский, наряду с этим искусственным образованием крупных землевладений, здесь шел, как и везде, еще задолго до колониальных захватов, процесс феодализации в недрах сельской общины, вызвавший появление «общинных собственников», положивших «начало развитию крупного землевладения в ущерб имущественным интересам земледельческих общин»⁷³. В целом появление частной собственности, как говорилось выше, объясняется Ковалевским довольно путанно. Вместе с тем, он дает пра-

⁶⁷ Работа эта осталась незаконченной.

⁶⁸ См. об этом: Б. Г. Сафронов, Указ. раб., стр. 70

⁶⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 267.

⁷⁰ Там же, стр. 328.

⁷¹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 356.

⁷² М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, стр. 20.

⁷³ М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, стр. 46

вильное определение происхождению сельской общины, считая, что она возникла из родовой общины. «Изучение различных форм общинного землевладения, — пишет Ковалевский, — убедило нас в существовании тесной связи между этими формами, с одной стороны, и характером личных отношений общинных владельцев, с другой»⁷⁴. Однако в своих стокгольмских лекциях, прочитанных уже после выхода в свет рассматриваемых трудов, Ковалевский придерживался по этому вопросу другой точки зрения, утверждая, что сельская община возникла из большой патриархальной семьи⁷⁵. Правда, в последующих работах он отказался от этой своей мысли.

Большим вкладом Ковалевского в науку является изучение феодализма у горских народов Кавказа, как это отмечалось уже в работе М. О. Косвена⁷⁶. Мы лишь укажем, что понимание Ковалевским горского феодализма, не потеряло до сих пор своего научного значения и поддерживается многими последующими исследователями. Вот что писал Ковалевский о развитии феодализма у горских народов Кавказа: «...процесс феодализации у разных народностей Кавказа достиг разных ступеней развития. У одних мы его видим только в зародыше, у весьма немногих — в законченном виде. Сопоставляя и сравнивая между собой систему общественных отношений у разных народов Кавказа, мы получаем возможность отметить последовательные стадии развития, через которые проходит процесс феодализации»⁷⁷.

Как уже отмечалось, весьма важное значение Ковалевский придавал изучению обычного права горцев Кавказа, их обычаев, нравов, верований, а также выяснению происхождения отдельных черт первобытных правовых норм. При этом историко-сравнительный метод применялся только в отношении осетин, обычное право которых являлось для Ковалевского главным объектом изучения⁷⁸. Им исследовались также юридические обычаи сванов, балкарцев, хевсуров, горцев Дагестана⁷⁹, а также русских и некоторых европейских народов⁸⁰.

Ковалевский был одним из выдающихся социологов России, внесших крупный вклад в развитие этой науки. В письме к А. И. Чупрову от 9 октября 1894 г. Ковалевский с гордостью писал: «Знаешь ли ты, что в Париже был конгресс социологов, что твой покорный слуга читал на нем реферат о работах русских этнографов и культур-историков и что русская наука пожинает лавры. Так что даже в газеты попало, что социология процветает более в России, чем во Франции»⁸¹.

⁷⁴ Там же, стр. 17.

⁷⁵ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 149.

⁷⁶ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, стр. 236—242.

⁷⁷ М. Ковалевский, Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа, «Русская мысль», 1883, № 12, стр. 138.

⁷⁸ Обычное право осетин рассматривается Ковалевским в его капитальном труде «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (т. I—II, М., 1886) и в статьях: «В горских обществах Кабарды», «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа», «Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин» («Юридический вестник», 1885, № VI—VII); «У подошвы Эльбруса» («Вестник Европы», 1886, № 1—2).

⁷⁹ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе; его же, В Сванетии; его же, О юридическом быте татов, «Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XLVIII, вып. II, М., 1886.

во Результатом такого изучения последних явился его обширный труд «Первобытное право» (вып. 1 и 2), основанный на первоисточниках.

⁸¹ Б. Г. Сафронов, Указ. раб., стр. 29.

На Западе Ковалевский как крупный социолог вел широкую общественную деятельность; в 1895 г. он был избран вице-председателем Международного института социологии, а в 1907 г. стал его председателем. Он являлся активным членом общества социологии в Париже. Вернувшись на Родину, Ковалевский возглавил социологическую науку в России, опубликовал двухтомную монографию «Социология» (1910). Он рассматривал социологию в тесной связи с историей⁸² и неоднократно указывал, что история, этнография, археология сами по себе не могут объяснить причину универсальности развития обществ; им на помощь должна прийти социология, показывающая: «из каких стадий развития складывается прогресс человеческого общества и что управляет сменой их»⁸³.

Таким образом М. М. Ковалевский сыграл выдающуюся роль во многих областях науки, он был одним из крупных представителей русской и мировой науки.

Труды М. М. Ковалевского не потеряли своего значения и в наши дни. Они оказывают большую помощь историкам, социологам, этнографам-кавказоведам и специалистам других дисциплин при разработке многих важных проблем.

SUMMARY

Author gives characteristics of social and scientific activity of well-known Russian scientist-ethnographer, sociologist and lawyer of the end of nineteenth and of the beginning of twentieth centuries M. M. Kovalevsky.

⁸² О социологических взглядах Ковалевского см.: Б. Г. Сафронов, Указ. раб.

⁸³ М. Ковалевский, Социология, т. I, СПб., 1910, стр. 59.